

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА
Н. ГОГОЛЯ И Б. ПАСТЕРНАКА

Г.Ж. Толегенова

Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза

Нукус, Каракалпакстан

gulayimtoleganova69@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18100694>

***Аннотация.** В условиях сложных социально-политических процессов, протекающих в настоящее время в мире, исследование таких эстетических категорий, как добро и зло, прекрасное и безобразное, является наиболее актуальной задачей в процессе осознания человеком самого себя. В этой статье ставится цель раскрыть художественно-эстетические особенности творчества Н. Гоголя и Б. Пастернака, а также представить системный функциональный анализ эстетических категорий, имеющих понятийно-эстетическое значение для духовного совершенствования личности и общества.*

***Ключевые слова:** художественно-эстетические свойства, концептуально-эстетические категории, системный функциональный анализ, стилистические возможности.*

Образом Чичикова Гоголь вводил в русскую литературу складывавшийся в русской действительности тип буржуа-приобретателя, который делает ставку не на дарованные судьбой титулы и богатства, а на личную инициативу и предприимчивость, на «копейку», умножаемую в капитал, приносящий ему с собой все: блага жизни, положение в обществе, знатность. Этот тип имел несомненные преимущества перед типом патриархального помещика-дворянина, жившего по обычаям, унаследованным, как и материальные блага, от отцов и дедов. Не случайно Чичиков все время в пути, в движении, в хлопотах, в то время как другие персонажи малоподвижны и косны во всех отношениях. Чичиков всего в жизни добивается сам. Не раз он сколачивал солидное состояние и терпел крах, но вновь и вновь с прежней энергией устремлялся к своей заветной цели – разбогатеть во что бы то ни стало, любыми средствами. Но вот эта ограниченность жизненной цели, неразборчивость и нечистоплотность в средствах ее достижения в итоге сводили на нет его положительные качества, опустошая его духовно, в конечном счете тоже превращая в мертвую душу.

Вместе с тем Чичиков – это очень емкий образ-тип. Недаром чиновники поочередно принимают его за чиновника генерал-губернаторской канцелярии. При всей несуразности предположений перепуганных чиновников они не абсолютно беспочвенны: в Чичикове действительно есть нечто, роднящее его со всеми этими человеческими «экземплярами», к каждому из них он восходит какой-то своей стороной. Даже с Наполеоном у него имеется общее: тот же

деятельный индивидуализм, переходящий в эгоцентризм и обуславливающий ограниченность всех целей; та же неразборчивость в средствах их достижения; восхождение к этим целям буквально «по трупам», через страдания и смерть себе подобных. Едва приехав в город, Чичиков интересуется, «не было ли каких болезней в губернии, повальных горячек, убийственных каких-нибудь лихорадок, оспы и тому подобного». Лишь одна из догадок, «кто таков на самом деле есть Чичиков», оказалась совершенно несостоятельной, когда почтмейстер вдруг заявил: «Это, господа, не кто другой, как капитан Копейкин!».

В «Мертвых душах», прежде всего для осмысления главной сюжетной линии, а через нее – и всей отображаемой действительности, автор заставляет если не чиновников, то читателей поставить перед собой вопрос: а разве больше логики в повседневно совершаемых покупках и продажах «живых душ», живых людей?

Каким предстал бы Чичиков в финале трехтомной поэмы, сказать с определенностью затруднительно. Но, независимо от конечного замысла, в 1-м томе Гоголю удалось создать реалистический тип большой обобщающей силы. Его значительность сразу же отметил Белинский: «Чичиков как приобретатель не меньше, если не больше Печорина – герой нашего времени». Наблюдение, не утратившее актуальности и сейчас. Вирус приобретательства, приобретательства любой ценой, когда все средства хороши, когда забывается завещанная веками библейская истина: «не хлебом единым жив человек», – этот вирус настолько силен и живуч, что он беспрепятственно проникает всюду, минуя не только пространственные, но и временные границы. Тип Чичикова не потерял своего жизненно-обобщающего значения и в наши дни, и в нашем обществе, напротив, он переживает свое мощное возрождение и развитие. Обращаясь к читателям, Гоголь предлагал каждому задать себе вопрос: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» При этом писатель советовал не спешить с ответом, не кивать на других: «Смотри, смотри, вон Чичиков ... пошел!». Этот совет обращен и к каждому из живущих сегодня.

Лирический герой Пастернака постоянно обращается к природе. И понимание лирического героя было бы неполным без понимания значения природы в поэзии Пастернака. Д.С. Лихачёв, размышляя над романом Б. Пастернака «Доктор Живаго», писал: «Начиная с детских воспоминаний и до последних дней, он всегда видел мир в своей поэзии, лирической и традиционной прозе, в красках и линиях».

В изображении природы с особой силой проявился стихийно-игровой дар Б. Пастернака, тяготеющего к моментальной и бурной смене впечатлений,

сплетению разнокачественных образов и ассоциаций. В природе, как ее видит поэт, преобладает беспорядок, свежий хаос, наплыв безудержных влечений, хлещущих через край. Это скорее беспрестанная игра, веселая и дерзкая: *воздух шипучкой играет от горечи тополя»; во время снегопада «крадучись, играя в прятки, // Сходит небо с чердака»; на море, поднятые ветром «барашки грязные играли; сколько надо отваги // Чтоб играть на века, // Как играют овраги, // Как играет река («После дождя», «Снег идет», «Вакханалия»).*

Ни у кого природа не одушевлена так, как у Пастернака; причем у нее душа озорницы, проказницы, движения которой суматошны и порывисты: *вырывается весна нахрапом, за окнами давка, толпится листва, сад тормошится, рушится степь.* У Пастернака, при отсутствии наружного сходства, очеловечиваются сами действия, повадки природы – *своенравной, бесчинной, неугомонной (Небо в бездне поводов, // Чтоб набедокурить – «Звезды летом», 1922).*

Любимые пастернаковские образы – мелкие дробные части природы: ветки, почки, капли, льдинки, звезды, градинки, снежные капельки, стручки гороха, все, что сыплется, брызжет, катится, шевелится, трепещет, воплощая неусыпное кипение жизни (*Ты в ветре, веткой пробуящем, Душистую веткою машучи* – «Определение поэзии», «Давай ронять слова»). Безусловное первенство в русской поэзии принадлежит Пастернаку по таким мотивам, как дождь и ливень («После дождя», «Дождь», «Лето», «Счастье», «Имелось» и др. – всего 15 стихотворений), гроза («Июльская гроза», «Гроза моментальная навек», «Наша гроза», «Приближенье грозы» и др. – 14 стихотворений). Этим наглядно выражается представление поэта о том, что *кипящее белыми воплями // Мирозданье – лишь страсти разряды, // Человеческим сердцем накопленной* («Определение творчества», 1922): дождь и гроза, в соответствии с древними мифологическими представлениями, знаменуют страстное, оплодотворяющее соединение земли и неба, их священный брак.

Отсюда же и тяга поэта к образам сада и соловья с их предельным напряжением жизненных сил, рвущихся наружу цветением и пением – *всей дрожью жилок* («Как бронзовой золой жаровень», 1913; «Плачущий сад», 1922; «Ты в ветре, веткой пробуящем», 1922; «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь», 1923; «Во всем мне хочется дойти», 1956).

По количеству стихотворений, посвященных временам года и отдельным месяцам, Пастернак также занимает первое место в русской поэзии. Как никто, он чувствителен к смене дней, к продленному мгновенью – «и дольше века длится день»; характерны для него «сезонные» и «суточные» названия, приурочивающие пейзаж к определенному моменту времени. Хотя «зимних»

стихотворений у Пастернака больше, чем «летних» (18 и 12), именно последние резче выделяют его на фоне преобладающих зимне-осенних мотивов русской поэзии (так, на 139 стихотворений, посвященных зиме, и 170 – осени, лишь 41 – лету). Тонкая поэтическая интуиция тепла, жара, по-летнему распаренного и «растрепанного» состояния природы («В лесу», «Лето», «Летний день», «Когда разгуляется» и др.) сказала и в стихах, посвященных Югу, Кавказу, Грузии («Мчались звезды. В море мылись мысы», «Волны», «Пока мы по Кавказу лазаем», «Путевые записки»). Выделяет Пастернака и его сравнительно редкое в русской поэзии пристрастие к морю, к этому «допотопному простору», единственному, чему «не дано примелькаться» («Девятьсот пятый год», «Тема», «Вариации» и др.).

Новое у Пастернака – и те образные ряды, с которыми он сопрягает природу, впуская ее в будничность и простоту повседневной жизни: вьюга «вяжет из хлопьев чулок», «пыль глотала дождь в пилюлях», «сто слепящих фотографий ночью снял на память гром», «зари вишневым клеем» и пр. (ср. животных у С. Есенина (*теленка, лягушка*), «физиологические» выражения у В. Маяковского (звезды – «плевошки», солнце – «ранка», небо – «распухшая мякоть»)).

Одна из своеобразнейших черт пастернаковского видения природы – стремление определить через нее сущность поэзии и вдохновения (*это – щелканье сдавленных льдинок, внезапные, как вздох, моря, ты – лето с местом в третьем классе* – «Определение поэзии», 1922; «Так начинают. Года в два», 1922; «Поэзия», 1922; «Про эти стихи», 1920; «Весна», 1921-1923; «Определение творчества»; «Давай ронять слова»; «Во всем мне хочется дойти»). С другой стороны, поэтичность и словотворчество заложены в самой сути природы и составляют еще один устойчивый метафорический ряд (*исписанный инеем двор, ливень кропает акростих, // Пуская в рифму пузыри, нив алфавиты* – «Двор», 1917; «Поэзия»; «Любимая, – молвы слащавой», 1931; «Зима приближается», 1943).

Многие стихотворения о природе у Пастернака написаны о прошлом, это воспоминания, не потерявшие своей красоты и свежести. Практически все стихотворения этой темы – это мгновенные зарисовки, поэт старается запечатлеть именно нужный ему момент – талант художника дает о себе знать. Через все творчество Пастернака проходит ощущение волшебства, чуда природы, поэт благодарит небо за свою жизнь и возможность созерцать природу.

Литература

1. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака. – М., 2001. – 148 с.
2. Абдиров А.М. Анализ русской рок-поэзии: творчество Виктора Цоя и Александра Васильева // Научный редактор. – 2022. – Т. 7.
3. Абдиров А.М. Город в художественном пространстве А. Васильева // Конструируя город: память о прошлом и проекты будущего. – 2022. – С. 6-8.
4. Виленкин В. О Борисе Пастернаке: Воспоминания // Театр. – 1990. – № 3. – С. 129-142.
5. Воропаев В. Статьи о Гоголе // <http://www.library.ru>.
6. Гиппиус В. Гоголь: Воспоминания. Письма. Дневники. В. Гиппиус. – М.: Аграф, 1999. – 461 с.
7. Гус М.С. Живая Россия в "Мёртвых душах". – М.: Литература, 2007. – 228 с.
8. Толегенова Г.Ж. Концептуально-эстетические основы художественного творчества Г. Гоголя и Б. Пастернака.